

Первый роман

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

Журавль в небе

РОСМЭН

Первый роман

Вера и Марина Воробей

Журавль в небе

«РОСМЭН»

Воробей В.

Журавль в небе / В. Воробей — «Росмэн», — (Первый роман)

Ира Наумлинская влюбилась в рок-музыканта Рэма Калашникова. Володя Надыкто, ее рыцарь без страха и упрека, отошел в сторону. Решив, что Рэм – ее судьба, Ира вместе с другими фанатками отправилась в Питер на концерт его группы. Однако ее ждало глубокое разочарование, когда она поняла, что Рэм – всего лишь талантливый актер, а мистическое притяжение, которое возникло между ними на концерте и которое Ира приняла за любовь с первого взгляда, всего лишь актерский прием.

© Воробей В.

© Росмэн

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вера и Марина Воробей

Журавль в небе

1

Тук-дук-тук-дук, тук-дук-тук-дук, – выстукивали однообразный ритм колеса скорого поезда. На сердце тяжелым камнем лежала тревога. О будущем думать не хотелось. Вернее, не хотелось думать лишь о недалеком будущем, в котором она должна была вернуться домой, в Москву. Как встретят ее родители? Какими глазами посмотрит на нее мама? Что, в конце концов, скажет Ира Володе Надыкто, который, наверное, весь вечер просидел в ожидании ее звонка?

Соседка по купе, рыжеволосая, совсем коротко стриженная девушка, которую все тут называли Кити, похоже, тоже не спала. Она то и дело переворачивалась с боку на бок и шумно вздыхала. Кити заняла вторую нижнюю полку, наверху же устроились Марго и Хельга. В этой тусовке, к которой теперь принадлежала и Ира Наумлинская, почему-то не принято было называться настоящими именами. Все девушки придумывали себе что-то наподобие интернетовских ников. Одно время Наумлинская тоже хотела выдумать себе какое-нибудь оригинальное звучное имя, но в голову ничего подходящего так и не пришло. И потом, об этом нужно было побеспокоиться с самого начала, а не сейчас, когда все привыкли обращаться к ней просто и без затей: Ира.

Впрочем, Наумлинская отличалась от всех не только отсутствием выдуманного имени. Почему-то она вообще выглядела на фоне раскованных, таких независимых, веселых и шумных девушек белой вороной. Да, если честно, и чувствовала себя таковой. Это ощущение злило ее, заставляя подстраиваться под всех, постоянно изображать из себя в доску компанейскую девчонку. Ей хотелось во всем быть похожей на новых подруг, одеваться так же небрежно, как они, разговаривать тем же языком, мимоходом употреблять те же словечки, которыми пестрила их речь, и так же громко смеяться, когда поводов для смеха вроде бы и не было... Девушка лезла из кожи вон, но результаты пока что были незначительными. Но ведь прошло еще так мало времени! Ничего, скоро и она станет таким же полноправным членом сообщества, как Кити, Марго, Хельга, Ежик и многие другие.

Ире нравились ее новые подруги, нравилась новая, так непохожая на прежнюю, скучную и однообразную, жизнь. Что их объединяло? Любовь. Любовь к одному человеку. Они часами могли обсуждать одежду, в которой он появился в клубе, слова новой композиции (потому что то, чем занимался этот музыкант, скорее можно было назвать именно композициями, а не песнями), статью, напечатанную в «Московском комсомольце», где их кумир отвечал на провокационные вопросы корреспондента, размалеванную блондинку, с которой он во вторник выходил из машины... Казалось бы, девчонки должны были ревновать друг к другу, а в компании по идее должен витать дух соперничества. Но ничего похожего между ними не наблюдалось. И поначалу Иру это очень удивляло, казалось странным, противоестественным и невероятным. Сама-то она на первых порах испытывала ко всем этим девушкам совсем не дружелюбные чувства, но постепенно страсти улеглись, и Наумлинская с удивлением ощутила, что никакой ревности в ее душе нет. «Наверное, все дело в том, – попыталась как-то объяснить себе эту загадку Ира, – что хоть все мы и боготворим Рэма, да так, что каждая ради него готова на все, но при этом понимаем, что шансы наши на взаимность равны нулю». Впрочем, каждая девчонка – и Наумлинская, конечно, не являлась исключением – втайне лелеяла мечту, что однажды случится чудо, и ее кумир, смысл жизни, единственный, неповторимый и недостижимый, как солнце, Рэм Калашников в один прекрасный день спустится со своих запредельных

высот, подойдет после концерта к ней и скажет: «Поехали со мной». Каждая из них втайне была уверена, что именно она и является той самой второй половинкой Рэма, назначенной ему свыше. Только если все остальные девчонки лишь грезили об этом, вынашивая в сердце несбыточные мечты, то у Иры Наумлинской был вполне конкретный, давно сложившийся план. Но об этом позже.

– Ты чего не спишь, Ир? – послышался справа приглушенный голос Кити.

– Да вот думаю, может, позвонить все-таки матери? – призналась Наумлинская.

Такое она могла сказать только Кити, потому что с ней Ира не боялась быть откровенной.

– Да забей, – посоветовала подруга, но, подумав немного, добавила: – Или позвони...

– А ты сказала дома, куда едешь? – спросила Наумлинская.

– Да мои-то люди привыкшие, – полушепотом отозвалась Кити, – не будут париться. Да и это... сейчас же, типа, каникулы.

– Ну да... – неопределенно протянула Ира. – Вообще-то я на столе записку оставила, – сказала она, глядя на мелькающие за окном огни придорожных фонарей.

– Ну и все тогда, – уверенно заключила Кити. – Расслабься.

– Не получается, – вздохнула Наумлинская.

Тук-дук-тук-дук, тук-дук-тук-дук, – монотонно стучали колеса, унося Наумлинскую в чужой город, где ее никто не ждал...

А началось все два месяца назад. Тот день Ира отлично запомнила, да и как она могла забыть, когда ей исполнилось пятнадцать? Она сказала маме, что не собирается в этот раз собирать школьных подруг, и та не стала возражать. В конце концов, это личное дело каждого – как справлять день рождения.

– Давай тогда, если хочешь, тетю Машу позовем с Петенькой, – робко предложила Евгения Павловна.

– Да ну, мам... – скривилась Ирина. – Нет, если вам хочется, вы, конечно, можете собраться, посидеть... Только Володя мне какой-то сюрприз приготовил. Сказал, что это будет его подарок.

– А почему ты решила, что его сюрприз помешает вашей компании собраться за праздничным столом? – искренне удивилась Евгения Павловна.

– Так он мне сам об этом сказал: «Ничего не планируй, я тебя украду», – не скрывая радости, объявила Наумлинская.

С Володей Надыкто они встречались уже несколько месяцев. Так получилось, что Ира, влюбившись в Володю, не решилась подойти к нему или хоть как-то намекнуть о своих чувствах. Вместо этого она попросила Галю Снегиреву написать стихотворение как бы от ее имени. Сейчас, конечно, Ира ни за что так не поступила бы. Но тогда она настолько была не уверена в себе, в том, что она вообще способна хоть кому-то понравиться, что решилась на такой отчаянный шаг. Втайне Наумлинская надеялась, что Надыкто, обнаружив в дневнике стихотворение, тут же поймет, кто его автор. Но из всего этого получилась такая запутанная и дикая история, что ее участники еле выпутались! Короче, вначале авторство самым наглым образом присвоила себе Тополян. Какое-то время они даже встречались с Надыкто, правда, роман был скоротечным, и очень быстро Надыкто понял, что они со Светой слишком разные люди. Потом Игорь, парень, с которым в ту пору встречалась Галя Снегирева, нашел у нее на столе текст этого злополучного стихотворения и решил, что Снегирева полюбила другого. Пришлось Ире ехать к Игорю и объяснять, что Снегирева тут вообще ни при чем и что стихотворение «Рыцарь-невидимка» действительно написала Галина, но только не по собственной инициативе, а по ее просьбе. Игорь, естественно, не поверил и остался при своем мнении. И после этого Ира, набравшись храбрости, встретила с Володей Надыкто и рассказала ему, как все

было на самом деле. И лишь когда по требованию Игоря Надыкто и Наумлинская поцеловались, он поверил, что Снегирева виновата лишь в том, что умеет сочинять стихи...

Но к тому времени между Наумлинской и Надыкто уже пробежала искорка. Случилось это после того, как Наумлинская, отстаивая честь Надыкто, окатила одноклассников водой из ведра, а в лицо самой главной обидчицы – Тополян – полетела мокрая тряпка. А дело было так. Светка, взбешенная тем, что Надыкто не захотел с ней встречаться, решила отомстить ему и не придумала ничего лучшего, как исписать всю парту Володи очень обидными оскорблениями. Вокруг парты сгрудилась толпа зевак, вот на них-то и вылила воду Наумлинская, которая раньше всех увидела художества Тополян и, набрав полное ведро воды, хотела их оттереть. Именно после этого происшествия Володя и посмотрел на Иру другими глазами. С тех пор они так и сидели за одной партой. В общем, история, которая поначалу очень смахивала на авантюру, к всеобщей радости, окончилась благополучно: Игорь поверил в невиновность Снегиревой, а Ира и Володя поняли, что нужны друг другу.

Итак, день рождения Наумлинской решено было отмечать вдвоем. Только Ира и Володя, причем не дома, а в каком-то загадочном месте, название которого Надыкто скрывал до последнего.

– Ну ты хоть намекни, – допытывалась Ирина. – Во что одеваться-то? Если туда пускают только в вечерних платьях, так ты учти, у меня его нет.

– Надень джинсы и какой-нибудь свитерок поскромней, – посоветовал Володя. – Без всяких прикамбасов. Там, куда мы с тобой пойдем, – продолжал интриговать он, – не принято наряжаться.

– Что же это за место такое, – надула губки Наумлинская, – если туда ходят в чем попало?

– Тебе понравится, – пообещал Надыкто, и больше до самого дня рождения он не произнес на эту тему ни слова.

И если вначале Ирина приставала к нему, движимая исключительно любопытством, то потом, видя, что ее попытки ни к каким положительным результатам не приводят, решила полностью довериться Надыкто. Тем более что ей нравилось во всем слушаться его, нравилось чувствовать себя ведомой, и ни разу еще Ире не пришлось об этом пожалеть.

2

– Дорогая Ира! – Володя приосанился и напустил на себя жутко торжественный вид. – В этот знаменательный день позволь... – Он запнулся, перевел дыхание, а в следующий миг оба так и покатались со смеху. – Вот, блин, – с досадой махнул он рукой. – Всегда у меня так: хотел по-человечески поздравить любимую девушку, цветы вот даже купил. – Он потрянул букетом темно-красных роз. – А она, в смысле девушка, без смеха даже смотреть на меня не может!

– Все, – в притворном смирении Наумлинская сложила руки на груди. – Больше ни-ни! Продолжай, Володечка. Я тебя внимательно слушаю. Вот видишь, – она промокнула глаза рукавом кофточки, – даже слезы от радости выступили.

– Продолжить я не смогу, – тяжело вздохнул Надыкто. – Лучше заново начну.

Наумлинская покорно потупила взор.

– Дорогая Ира, – снова завел в торжественном тоне Володя. – В этот знаменательный день позволь поздравить тебя с днем рождения...

И, снова не выдержав, Наумлинская резко согнулась пополам и громко расхохоталась.

– Не... ну я так не могу, – подпустив в голос обиженных ноток, протянул Володя. – Короче, Ирка, – широко улыбнулся он, притягивая к себе девушку. Она тут же перестала смеяться. – Это вот, как ты уже поняла, цветочки... – Он сунул ей под нос букет. – А это подарок номер один. – Парень наклонился, поднял с полу пакет и вытащил оттуда яркую коробку.

– Ну ни фига себе! – так и обмерла Наумлинская, разглядывая изображенную на коробке трубку мобильного телефона. – Это же шестидесятый «Сименс»! Он же дорогуший, Володька! Ты где столько денег раздобыл? Признавайся немедленно!

Довольный произведенным эффектом, парень словно бы нехотя протянул:

– Да устроился тут на одну работенку... Вернее, сразу на две. В штабе предвыборном листовки агитационные по ящикам почтовым разносил и еще от фирмы какой-то приглашения на курсы английского языка расклеивал...

Вне себя от счастья, Наумлинская кинулась Надыкто на шею.

– Ну ты даешь! – восхищенно проговорила она и поцеловала парня в губы. – Спасибо... Мне даже неловко такой подарок принимать, честное слово...

– Тебе правда нравится? – смущенно спросил он.

– Да ты что! – так и подскочила Ирина. – Я всю жизнь о таком мечтала! – Внезапно девушка нахмурилась, будто бы вспомнив о чем-то, а потом, бросив на парня удивленный взгляд, спросила: – Володь, а ты же говорил, что подарок будет заключаться в каком-то походе... Джинсы надеть велел, свитерок поскромнее... Наши планы изменились, да?

– Ничего подобного, – замотал головой Надыкто. – Ты просто невнимательно слушаешь. Я же сказал, что это, – кивнул он на коробку, которую Наумлинская по-прежнему сжимала в руках, – подарок номер один. А вот подарок номер два! – объявил Надыкто и вытащил из кармана два синих глянцевого прямоугольника.

– «Приглашение на презентацию нового альбома группы «Автомат Ка», – удивленно прочитала Ира. – Это мы что, на концерт сейчас пойдем, что ли? – уставилась она на Надыкто.

– Догадливая ты моя! – улыбнулся Володя, нежно проводя рукой по блестящим волосам Ирины.

– Да ну... – наморщила хорошенький носик девушка. – Небось опять этот твой рок дурацкий? Ты же знаешь, как я отношусь ко всем этим группам...

Володя знал. Строго говоря, музыка была единственным камнем преткновения в отношениях Наумлинской и Надыкто. Во всем остальном, начиная любимыми книжками и заканчивая любимыми блюдами, их вкусы полностью совпадали. А вот музыку они слушали разную. Ира любила легкую, заводную, под которую и потанцевать можно, и мелодии песен

отлично запоминаются. Ей очень нравились выпускники «Фабрики звезд», Валерия, Алсу, группа «Смэш», «Динамит», «Премьер-министр», Бритни Спирс, Наталья Орейро... Володя же такую музыку на дух не переносил, пренебрежительно называя розовой попсой, безвкусицей и полным отстоем. Иногда парень употреблял и более резкие выражения. Он слушал рок. Вернее, представителей совершенно особого направления в музыке, которое принято называть русским роком. К числу его любимых групп относились «Алиса», «ДДТ», «Аквариум», «Настя», «Мумий-тролль»... Вообще-то этот список можно было продолжать до бесконечности, потому что Надыкто знал очень много рок-групп, следил за появлением новых, а его коллекция дисков мог бы позавидовать любой меломан.

– Ир... – почесал в затылке Надыкто. – Ну сделай мне приятное... Тебе понравится, вот увидишь. Это новая группа, и играют они вовсе не тяжелый рок, а...

– Интересное кино! – перебила Наумлинская. – В свой день рождения я почему-то должна делать приятное тебе. Нет, я понимаю, если бы это был твой день рождения. Тогда какие вопросы... Интересно, сколько ты заплатил за эти...

– Нисколько. – Надыкто выхватил из ее рук билеты. Ситуация грозила перерасти в ссору, а это совершенно не входило в его планы. – Послушай... – Володя виновато покосился на Иру. – Ну давай так договоримся: если тебе не понравится, уйдем. Нас же никто там насильно держать не будет...

– Фух, – шумно выдохнула девушка, потом открыла коробку, достала телефон, не скрывая удовольствия, повертела в руках маленькую серебристую трубку. – Ладно, уговорил... Только обещай, по первому моему требованию...

– Обещаю! – не дослушал Володя. – Но я уверен, тебе понравится. Короче, лидера группы «Автомат Ка» зовут Рэм Калашников, – принялся увлеченно рассказывать он. – Ужасно прикольный чувак и такие тексты клевые пишет. А музыка очень даже спокойная... Рэм чем-то похож на Гришковца. Читает тексты под музыку... Ну, что-то типа мелодекламации...

– Понятно, – махнула рукой Наумлинская. – Ты выпей кофе, пока я переоденусь.

– Между прочим, мы сейчас пойдем в клуб «Провокация», – счастливый тем, что она все-таки согласилась, объявил Надыкто. – Слышала?

– Ты знаешь, я в такие места не хожу, – выкрикнула уже из комнаты Ира.

– Не думай, там все цивильно, – заверил ее Володя. – И даже еда какая-то будет, коктейли там, бутерброды, сок... Все это в стоимость билетов входит, – продолжал уговаривать Надыкто, хоть в этом больше и не было никакой нужды.

– Бутерброды я и дома поесть могу, – заявила Наумлинская, появляясь в дверях. – Нашел чем удивить... Кому рассказать – не поверят! Отмечать день рождения в каком-то диком клубе, да еще с таким названием, лопать бутерброды под песни какого-то Рама Калашникова...

– Рэма, – поправил Надыкто.

– Один фиг, не имя, а кличка собачья, – отмахнулась Наумлинская. – Ну, как я тебе? Достаточно скромный свитерок? – сощурила она свои и без того несколько узковатые, с восточным разрезом глаза.

– Нормальный. – Надыкто с опаской покосился на ее пятнистый джемпер. На черном фоне ярко-красные, неправильной формы пятна были перемешаны с синими и желтыми. В общем, если задержать на свитере взгляд дольше секунды, начинало рябить в глазах. Конечно, Володя предпочел бы, если б Ира вместо этого безобразия надела такой же, как у него, черный свитер или какой-нибудь серенький. Но перечить девушке Надыкто не стал, потому что хорошо понимал, чем это может для него обернуться.

3

Клуб «Провокация» оказался вполне мирным и, как выразился Надыкто, цивилизменным заведением. Впрочем, таковым он выглядел лишь на первый взгляд. Похожие на кухонные, различные по высоте и форме столики, некоторые из которых были покрыты потертыми клеенками, оклеенные полосатыми обоями стены. Источником света тут служили не лампы дневного освещения и не люстры или какие-нибудь настенные светильники, а торшеры. Возле каждого столика по торшеру. Причем все они были разными и какими-то плохо сочетающимися. У одного, например, плафон зеленый и круглый, а у другого оранжевый и сделанный в форме трапеции, у третьего вообще в виде металлической тарелки, едва прикрывавшей лампочку... Присмотревшись повнимательней, Наумлинская с удивлением обнаружила, что все торшеры далеко не новые. Так, плафон того, что возвышался над их с Надыкто столиком, при ближайшем рассмотрении оказался дырявым. Дыра была круглой, с обожженными краями. Казалось, кто-то нарочно поднес к клеенчатому бледно-голубому плафону спичку или огонек зажигалки. А может, так оно и было на самом деле.

Обои на стенах тоже имели весьма неприглядный вид. Во-первых, поражала сама расцветка. Такими оклеивали квартиры в годах семидесятых, наверное, когда в магазинах ничего невозможно было купить. Наумлинской рассказывала о тех временах мама. Тогда все доставалось, а не покупалось, как сейчас в обычных магазинах, где от изобилия расцветок тех же обоев голова кругом идет. А в те казавшиеся Наумлинской далекими времена люди безумно радовались, когда удавалось достать по жуткому благу несколько рулонов бумажных обоев, которых порой не хватало потом, чтобы оклеить комнату. Однажды, когда Евгения Павловна затеяла ремонт в квартире и Ире поручили сдирать со стен старые обои, под слоем газет она обнаружила что-то такое дикое, полосатое, с розочками – словом, убожество, а не обои. «Это что?» – спросила тогда Наумлинская у мамы. «Надо же! – на глазах той навернулись слезы умиления. – Остался кусочек... Ты бы знала, как мы с отцом радовались, когда достали эти обои! Как сейчас помню...» И далее следовал ностальгический рассказ о том, как, несмотря на тотальный дефицит, хорошо и дружно жилось людям в те далекие времена.

Теперь, глядя на стены модного молодежного клуба, Ира с удивлением отметила про себя, что грязные, засаленные, а в некоторых местах даже оборванные обои ужасно напоминают тот обнаруженный ею под слоем старых газет островок маминой юности.

– Слушай, – обратилась Наумлинская к Володе. – Это что, прикол такой? Ну, типа, ретро?

– Ну да, – энергично закивал тот. – Тут, понимаешь, эклектика возведена в степень стиля...

– Ничего не понимаю, – замотала головой Наумлинская. – Можно как-нибудь без заумных словечек?

– Ну... – почесал лоб Надыкто, – эклектика – это смешение всех стилей, сочетание несочетаемого в принципе, а вернее, отсутствие стиля как такового. Здесь же дизайнеры сознательно смешали стиль шестидесятых годов, – указал он рукой на торшер, – семидесятых, – парень скользил взглядом по стенам, – восьмидесятых. Видишь, тут вместо бара стенка мебельная? И все бутылки по шкафчикам рассованы. Такие стенки очень модные были в восьмидесятые годы. Ну а туалеты выполнены в стиле девяностых. Пойдешь – сама увидишь. И еще тут все не новое. Ты заметила?

– Да уж. – Наумлинская брезгливо покосилась на дырявый плафон.

– Это все натуральные вещи, с историей, понимаешь? Они долго служили людям, – продолжал восхищаться Надыкто.

– Их что, по помойкам собирали – эти обои, диванчики, стулья продавленные, торшеры? – пренебрежительно скривила губы девушка.

– Ну, необязательно, – утешил ее Володя. – В основном по квартирам, старым дачам, я думаю...

– А в чем же заключается провокация? – спросила Ира. – Почему клуб так называется?

– А фиг его знает, – решил не умничать Надыкто. – Но, помолчав немного, все-таки предположил: – В том, наверное, и заключается, что это клуб, а вещи все домашние и не просто домашние, а из разных времен собраны...

– Назвали бы уж тогда «Свалка», – предложила свой вариант Наумлинская.

– Так «Свалка» уже есть, – улыбнулся Володя. – На Профсоюзной. Не слышала?

– Что-то слышала по радио, – отмахнулась Ирина. – И все равно не понимаю, при чем тут провокация?

Тем временем в зале появились официантки. Одна из девушек, бесшумно передвигаясь в домашних тапочках по линолеуму, которым был покрыт пол, приблизилась к их столу. В руках девушка держала пластмассовый, неопределенного цвета поднос. На нем стояло два стакана, наполненных, как показалось Наумлинской, томатным соком, и две тарелки с яичницей. Девушка была одета в ситцевый, далеко не первой свежести домашний халатик, на котором отсутствовали две нижние пуговицы. Ирина с удивлением огляделась вокруг. Соседний столик обслуживала официантка, одетая в вечернее, расшитое стразами и явно недешевое вечернее платье. На ее коллеге, той, что обслуживала угловой столик, был надет старый, вылинявший спортивный костюм с вытянутыми коленями.

«Видимо, в этом тоже заключается провокация», – подумала Наумлинская, с тоской глядя на скудное угощение, принесенное официанткой.

– Меня зовут Вера, – неожиданно представилась та. – Это, – девушка указала на стаканы, – коктейль «Кровавая Мэри». В его состав входят томатный сок и водка. Три четверти сока, а остальное водка... А это, – официантка кивнула на тарелки, – глазунья. Еще вы можете отдельно заказать сосиски, бутерброды с колбасой, сыром и какао. Правда, это уже за деньги.

– А если я хочу кофе? – поинтересовался Надыкто, сурово сдвинув брови.

– Кофе нет, – последовал лаконичный ответ.

– Понятно, – вздохнул парень и виновато покосился на Наумлинскую.

Когда официантка в халатике удалилась, Ирина взяла со стола стакан и, внимательно всматриваясь в его содержимое, уныло заметила:

– Ты как хочешь, а я эту гадость пить отказываюсь.

– Может, какао? – робко предложил Володя.

– Терпеть его не могу, – скривила губы Ира.

Тем временем на низком подиуме начали появляться музыканты. Их было пятеро. Один держал в руках громоздкий и какой-то дико несуразный инструмент, который Наумлинская видела однажды по телевизору, но вспомнить его название сейчас никак не могла.

– Что это за бандура? – спросила она у своего спутника, покосившись на диковинный инструмент.

– Волынка, – сказал Надыкто.

Название остальных инструментов Ирина знала. Паренек в пестрой футболке сжимал в руках гусли, другой, одетый во все черное, облизывал губы, поднося к ним флейту, четвертый музыкант устанавливал на полу громадную арфу и, наконец, пятый пристроился в углу, окружив себя множеством разновеликих барабанчиков. Он то и дело постукивал по ним ладонями, прислушивался, менял перкуссии местами.

– Станный наборчик инструментов, тебе не кажется? – криво усмехнулась Ирина. – Или это тоже провокация?

– Не думаю, – замотал головой Надыкто. – Во всяком случае, играют они классно.

– Посмотрим, – скептически протянула Ирина, подперев щеку кулаком.

Володя принялся за яичницу. Он поглощал это нехитрое угощение с таким зверским аппетитом, что у Наумлинской появилось желание попробовать. Она взяла вилку и как бы нехотя ковырнула желток. Тот начал медленно растекаться по тарелке.

– Вкусно? – подпустив в голос иронических ноток, поинтересовалась она у Надыкто.

– Да ты попробуй, – буркнул тот с набитым ртом. – Дома так ни за что не получится!

Помедлив для приличия, Ира начала медленно и чуть лениво есть. С первого же кусочка она с удивлением поняла, что Надыкто прав. Глазунья оказалась невероятно вкусной. Настолько вкусной, что девушке даже захотелось добавки. Правда, она не призналась в этом Володе. Отодвинув от себя чистую тарелку, Наумлинская отхлебнула глоток «Кровавой Мэри» и, передернув плечами, поинтересовалась:

– Как ты думаешь, можно заказать стакан сока без водки?

Надыкто поднялся и направился к стойке. Через пару минут с довольной улыбкой на лице и стаканом томатного сока в руках он вернулся на место.

– Вот видишь, – миролюбиво склонил голову набок Володя, – не так уж все и плохо.

– А где же этот твой... как его? – спросила Ирина, нарочно делая вид, что забыла имя музыканта.

– Рэм Калашников, – напомнил Надыкто. – Готовится, наверное.

– Слушай. – Ира сделала маленький глоток и поставила стакан на место. – А что, танцевать никто не будет? – Она с сомнением осмотрела пространство перед подиумом. – Надо бы столики подальше отодвинуть, а то места совсем нет...

– Ир, – улыбнулся Володя, дотрагиваясь до ее руки, – это не то, что ты думаешь... Да сама скоро поймешь, – выразил уверенность он.

И тут на сцену вышел Рэм. Ира поняла это по раздавшимся с разных сторон аплодисментам, топоту и свисту. Володя тоже оживился и принялся энергично хлопать. Кое-кто выкрикивал приветствия: «Здорово, Рэм! Оу! Классно выглядишь, Рэм! Когда начнем, в натуре?»

Столик, за которым расположились Наумлинская и Надыкто, отделяли от подиума метров пять-шесть, не больше, и ребята могли как следует рассмотреть человека, появившегося на сцене.

Рэм улыбнулся, подошел к стойке микрофона, откашлялся. Невольно Наумлинская отметила про себя, что этот парень, как бы она ни была настроена против него, притягивает к себе взгляд, хотя внешность его не отличалась ничем особенным. Короткая стрижка, глаза не то чтобы очень уж большие, да и не слишком выразительные... обычные темные, глубоко посаженные глаза. Подбородок, который принято называть волевым, с ямочкой посередине, а на вкус Наумлинской, так тяжеловатый какой-то подбородок... Нос прямой и довольно-таки крупный. Брови... Густые, темные, четко очерченные. Вот рот действительно красивый. Губы будто бы улыбаются чему-то постоянно, а на самом деле они просто такие от природы. И лоб высокий и чистый. Такие бывают обычно у мечтательных и склонных к поэзии людей. Ира об этом в книжке читала. Интересная, кстати, книжка. Старинная, еще с ятями, а называлась она «Физиогномика». Там описывались различные типы лиц и соответствующие им черты характера. Так вот, лицо этого человека хоть и не отличалось особенной красотой или мужественностью, но на него почему-то хотелось неотрывно смотреть. И, подумав так, Наумлинская попыталась отвести взгляд в сторону, но не смогла этого сделать... Наверное, потому, что в эту секунду Рэм произнес первое слово.

4

– Привет, – сказал Рэм и взял микрофон в руки. – Волнуюсь, ужасно волнуюсь... Вы не представляете, какая это радость – видеть ваши лица. Не думал, что соберется столько народу. Честное слово, не думал...

Голос у Рэма был низкий, с хрипотцой, о таких принято говорить «с песком». С первого же слова этот человек расположил к себе всех собравшихся в клубе. Все звуки разом стихли. Взгляды были устремлены на эстраду, где в пересечении двух неярких лучей прожекторов стоял среднего роста, не худой и не толстый, самый обычный человек, похожий как бы разом на всех и в то же время не похожий ни на кого.

– Со мной это впервые. Я имею в виду презентацию альбома, – продолжал тем временем Рэм. – И совершенно не представляю себе, как это делается... Там, за кулисами, – Рэм кивнул на выкрашенную зеленой краской дверь, – мы с ребятами договорились, что будем сегодня играть старые композиции, те самые, которые записаны на альбоме «Выход». Но сейчас я почему-то не уверен в этом. Я подумал, что, может быть, вам будет интереснее послушать что-то новое? Как вы считаете?

– Супер! – выкрикнула девушка, сидящая с подругой за соседним столиком. – Давай свежак!

– Клево! – отозвался кто-то с дальних мест. – Альбом мы уже слышали!

Со всех сторон послышался гул одобрения.

– Вот и хорошо, – просто сказал Рэм. – Тогда мы, пожалуй, начнем...

Он обернулся назад, перекинулся парой слов с музыкантами. Они согласно закивали, и через несколько секунд раздались первые звуки. Поначалу музыка показалась Наумлинской настолько странной, что она даже шепнула Надыкто на ухо:

– Это чего такое? Так и будет, что ли?

– Я этой композиции еще не слышал, – так же шепотом отозвался тот.

А между тем звучащие со сцены звуки никак не складывались в единую мелодию. Каждый инструмент, казалось, вел свою партию, которая нипочем не желала вписываться в общий строй. Да и не было никакого общего строя. Какофония сплошная, а не музыка. Обычно про такую игру говорят: кто в лес, кто по дрова. Рэм с мечтательной улыбкой, застывшей на губах, слушал все это безобразие, полностью, как показалось Наумлинской, растворившись в странных, ни на что не похожих звуках. Наконец он поднес микрофон к губам и заговорил:

– Мне очень хочется, чтобы сегодня каждый из вас попробовал сделать то, что делаю я. Только не пугайтесь. Тут нет ничего сложного. Для начала давайте выберем тему. Вот сейчас я подумал, что это могут быть сны. Если бы перед нами стояла задача дать название новому альбому, я бы предложил следующее: «То, что мы называем снами». Потому что то явление, которое мы привыкли называть простым и коротким словом «сон», на самом деле, как мне кажется, представляет собой иную, более сложную, фантастическую реальность, чем та, которую мы называем жизнью. Итак, как вам название альбома? «То, что мы называем снами»? Или у вас есть другие предложения? – Рэм опустил руку с микрофоном и посмотрел в зал.

– А что делать-то будем? – выкрикнул парень откуда-то сзади.

– Рассказывать свои сны, – ответил Рэм. – Начну я. А потом каждый, кто захочет, сможет наговорить свой текст. Все рассказы будут записаны, а потом я внимательно прослушаю запись, немного поработаю над ней и, надеюсь, составлю новую композицию...

– Прикольнo, – пискнула девчонка, сидящая за самым ближним к подиуму столиком. – А у меня тоже есть предложение.

– Отлично, – кивнул Рэм и подошел к девушке.

Он протянул ей микрофон.

– Предлагаю свое название: «Кошмарики»! – выкрикнула девица и залилась глуповатым смехом.

– Если принять это название, – на полном серьезе пустился в рассуждения Рэм, – то тогда нужно рассказывать только кошмарные сны... А мне бы не хотелось ни в чем ограничивать ни вас, ни себя.

– Короче! – выразил недовольство спутник девицы, предложившей свое название. – Хватит базарить! Какая на фиг разница, как назвать эту телегу? Пусть Рэм сам решает!

– Спасибо, – улыбнулся Рэм. – Ну вот, кажется, и тема подходящая пошла, – сказал он, оборачиваясь к своей группе.

К этому времени музыканты, казалось, действительно нашли общий язык, и то, что звучало со сцены, хоть и с натяжкой, но уже можно было назвать музыкой. Правда, стиль ее Наумлинская ни за что бы не взялась определить.

– Поехали, – притопнул правой ногой Рэм и для чего-то одернул свою темно-синюю, без всякого рисунка футболку. – Телега про Сегельфосс из ненаписанного альбома «То, что мы называем снами». Сегельфосс, Се-гель-фосс, Сегельфосс, – на разные лады произносил Рэм. Он словно бы крутил в руках это странное слово, рассматривая каждую новую грань, которой оно поворачивалось. Рэм будто пытался попробовать это слово на вкус, ощутить его запах, погладить его пальцами. – Сегельфосс... Забавно звучит, правда? Вам говорит о чем-нибудь это слово? – В зале царил тишина. – Вот и мне тоже до сегодняшнего дня оно не встречалось. А утром я проснулся, и это слово звучало в уме. Причем так настойчиво, будто кто-то невидимый вколачивал его в мои мозги молотком. Се-гель-фосс! – отрывисто произнес Рэм и повторил жестко: – Се-гель-фосс! Что за Сегельфосс такой дурацкий, думаю. Подумал-подумал и ничего не понял. А потом, где-то уже в середине дня, начали вдруг всплывать в памяти картинки. Я понял, что это сон. Тот, который снился мне ночью... Какие-то скалы, море, магазинчик, вернее скобяная лавка, люди, одетые в сюртуки, шляпы, с тросточками в руках, а на женщинах – пышные платья и шляпы с полями... Сейчас в таких никто не ходит. В общем, то ли конец позапрошлого века, то ли начало прошлого, я имею в виду двадцатый... На скалах рыба лежит распластанная... Много рыбы. Так много я еще никогда не видел. Во сне меня это нисколько не удивило даже. Я сразу понял почему-то, что так и должно быть – рыба, разложенная на скалах, она сушится. И все это, я точно потом вспомнил, называлось Сегельфосс. Так называлось место, в которое я попал во сне. И будто бы я не со стороны наблюдаю за жизнью этого местечка, а нахожусь как бы внутри... Ну, живу там. И знаю, что я – рабочий. Мои одежда, и руки, и волосы почему-то в муке, кое-где налипли куски высохшего теста... Я отряхиваюсь, поднимаю голову к небу и вижу верхушки сосен, опускаю голову и замечаю у ног своих огромный мешок. Я понимаю, что должен отнести его в амбар. Знаю точно, что в мешке мука и это моя работа – таскать мешки с мукомольни в амбар, потому что я работаю на мукомольне и зовут меня Уле Юхан. Вы можете себе представить такое? Уле Юхан из Сегельфосса! И так четко появилось перед глазами это имя, что в какой-то миг мне стало не по себе. Попытался вспомнить, может, фильм какой-нибудь смотрел накануне или книжку читал... Но нет, ничего похожего в обозримом прошлом мне на глаза точно не попадалось.

Наумлинская перевела дыхание. Удивительно, ведь ничего особенно захватывающего в рассказе Рэма не происходило, но с первых же его слов, вернее даже, с того самого момента, как Рэм произнес самое первое, незнакомое Ирине слово «Сегельфосс», она почувствовала себя втянутой в некое вязкое, желеобразное пространство, выбраться из которого было совершенно невозможно. Да и не хотелось, если честно, выбираться. Присутствовало во всем этом: в странных, ни на что не похожих звуках обволакивающей музыки, в словах Рэма – что-то удивительное, завораживающее и властно подчиняющее себе с первых же секунд.

– И когда я вспомнил, что во сне меня звали Уле Юхан, мне почему-то стало так жутко, как не было еще ни разу в жизни. Вы скажете, да что тут особенного? Ну Уле, ну Юхан, ну

работаешь ты на мукомольне. И что с того? Чего тут пугаться? Это же сон! А вот не знаю... Но испугался я, надо признаться, дико. Потом все картинки этого сна закружились с бешеной скоростью, как в калейдоскопе, который вращает чья-то невидимая, но сильная рука, и резко вдруг тормознули, и я увидел лицо девушки. У нее были длинные прямые черные волосы, темные, почти черные, немного раскосые и узкие глаза... Их взгляд был насмешливым, не высокомерным, а именно насмешливым. Он будто бы говорил: «Не пугайся, малыш. Все будет хорошо». Широкие скулы, смуглая кожа... Сейчас вы, может, поймете, почему у меня при этих словах бегут по коже мурашки... Та девушка, которую я видел во сне – кстати, ее звали Мариана, я это как-то без слов понял, – была как две капли воды похожа на одну из девушек, сидящих в этом зале.

Рэм замолчал, опустил голову, потом резко поднял ее и устремил взгляд куда-то в глубину зала. По столикам пробежал легкий гул удивления. Все принялись озираясь, пытаясь определить, на кого смотрит Рэм. А смотрел он на... Наумлинскую. И когда Ира поняла это, она вдруг почувствовала что-то сродни оцепенению. Девушка попыталась отвести взгляд в сторону, но поняла, что не в силах этого сделать, попробовала пошевелить пальцами, но и это простое действие оказалось ей неподвластно. Между тем Рэм Калашников, спрыгнув с небольшого возвышения, служившего подиумом, медленно приближался к их столику. В глазах у Наумлинской потемнело, дыхание сбилось, в эту секунду ей захотелось вскочить и убежать отсюда куда глаза глядят. Но, как уже было сказано, все существо ее будто сковало невидимой цепью.

Дойдя до середины зала, Рэм вдруг остановился, при этом он продолжал неотрывно смотреть на Наумлинскую, постоял какое-то время неподвижно, будто решая, стоит ли идти дальше, а затем резко развернулся и быстро зашагал в обратном направлении, к подиуму. У Наумлинской отлегло от сердца. Вдохнув, девушка снова обрела способность двигаться и говорить. Она посмотрела на Надикто.

В глазах парня читалось удивление. Конечно, он тоже понял, что Рэм смотрел на Иру и шел именно к ней, а потом почему-то передумал. Но уже в следующий миг Наумлинская начала сомневаться: а может, ей просто показалось? Может, Рэм смотрел на другую девушку? Но тут же она возразила себе: «А внешность, которую описывал Рэм? Длинные и прямые черные волосы, широкие скулы, узкие раскосые глаза?» Но ведь, в конце концов, не у нее одной такая прическа и разрез глаз! Чтобы найти подтверждение своим мыслям, Ирина стала озираясь по сторонам. Но ни за одним из соседних столиков не сидело девушки, похожей по описаниям на ту, что явилась во сне Рэму Калашникову.

После чересчур затянувшейся паузы Рэм, дойдя до подиума, заговорил снова:

– Это решение изменить программу сегодняшнего вечера я принял внезапно. Вы наверняка почувствовали это. И произошло это в тот момент, когда я увидел в зале свою Мариану из сна. Я не хочу знать, как ее зовут на самом деле, пусть для меня она останется Марианой, – вполголоса произнес Рэм и, мотнув головой, продолжил уже в другом, более быстром темпе: – Но то, что произошло сейчас, явилось продолжением, а может, и завершением тех странных событий. Итак, когда все это со мной произошло, я сильно озадачился, потому что понимал: должно существовать какое-то объяснение. Есть у меня один школьный друг. Сейчас он уже в аспирантуре учится, окончил Литературный институт и все такое... Профессором, наверное, хочет стать. Почему-то я не сомневался, что если кто и знает, что такое мой Сегельфосс и откуда взялся Уле Юхан, то этим человеком может быть только Боб Никитин, и никто иной. Сердце подсказывало мне, что все это неспроста, не простая игра звуков и слов, что наверняка где-то обо всем этом написано. Вообще-то моего одноклассника зовут Борис, но этот Боб приклеился к нему с первого класса. Короче, звоню я Бобу, рассказываю сон. И про лавку, и про скалы с распластанной рыбой, про мукомольню, ну и, конечно, про Уле Юхана. И вот тут происходит нечто такое, о чем я точно никогда не забуду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.